

Согласимся с мнением Бухаркина, заключающего «Предисловие» к сборнику такими словами: «...книга „Блаженное наследство»: классическая традиция и русская литература“, как представляется, без особой предвзятости и с достаточной полнотой репрезентирует нынешнее культурное состояние России, во всяком случае, в некоторых регистрах интеллек-

туального ее бытия» (с. 4). Эти «регистры» показывают, что русская культура остается живой наследницей античной и просветительской классики. Такое наследие для нее жизненно необходимо, оно действительно «блаженно», если производить это понятие от слова «благо».

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-206-207

© О. Е. Осовский, © В. П. Куржаева

НОВАТОРЫ КАК АРХАИСТЫ*

Новая книга Ирины Шевеленко (Висконсинский университет, США) посвящена архаической составляющей русского модернизма, т. е. тому, как на рубеже XIX–XX веков «славяно-русская древность» становилась основой не только самых смелых культурно-художественных экспериментов, но и одного из утопических проектов строительства русской нации. «Работа над этой книгой продолжалась, с перерывами, более десяти лет, — поясняет автор. — Этот процесс был связан для меня с постепенным изменением взгляда на материал, которому посвящена книга, и, как следствие, с освоением новой исследовательской оптики» (с. 7). В качестве основного инструмента исследования Шевеленко привлекает методологию «имперских штудий» (imperial studies), одну из разновидностей «колониальных исследований» (colonial studies), приобретших широкую известность в западной гуманитаристике с 1980-х годов. Сегодня этот подход осваивается и в России, однако среди немногих удач назовем лишь книгу А. Эткин-да,¹ впервые, впрочем, появившуюся на английском языке.

Отметим, что монография Шевеленко ставит более широкий круг вопросов, нежели судьбы архаики в отечественном модернизме. Речь идет и об уместности прямого переноса схем западной гуманитаристики в историко-культурное поле русского Серебряного века, и об адекватной трансляции методов и понятий, ориентированных на качественно другой материал, и о соответствии научной моды реальным вызовам исторического прошлого и политического настоящего.

Формулируя основной тезис исследования, автор замечает: «Зависимость русской культурной традиции последних двух столетий

от Запада, став источником напряжения и внутреннего конфликта в „эпоху национализма“, приводила идеологов и практиков модернизма к поискам способов актуализации автохтонной архаики и к провозглашению возврата к „национальным корням“ как содержательного смысла их собственного эстетического эксперимента» (с. 30). Подобная установка определяет выбор материала и структуру исследования. Принимая во внимание не только художественно-эстетические, историко-культурные и историко-литературные параметры проблемы, но и ее идеологическое измерение, Шевеленко привлекает самый широкий круг источников. Это и собственно литературные, живописные, музыкальные произведения, и практика ремесленного производства, и философско-политические, художественно-критические, пропагандистские тексты, образующие «нацестроительный» дискурс или полемизирующие с ним. Среди имен, оказывающихся в центре внимания автора, А. Бенуа, Вяч. Иванов, С. Городецкий, В. Хлебников. Не менее представлен набор фигур из иных творческих сфер: И. Стравинский, С. Дягилев, С. Прокофьев, Н. Рерих, В. Билибин и др. «Мир искусства» соседствует здесь с футуристами, «Русские сезоны» — с кустарями-иконописцами... Весь этот многоликий мир постепенного освоения русским модернизмом специфически понятой и в значительной степени сконструированной «национальной древности», определяемой в терминологии имперских исследований как «автохтонное», должен отразить этапы формирования со второй половины XIX века русского национального самосознания как альтернативы прежнему — имперскому.

В пяти главах книги этот процесс предвзвешивается теоретическим эскизом ключевых для замысла понятий («империя, нация, национализм»). Далее он разворачивается в конкретных историко-литературных и историко-культурных сюжетах — от осмысления отечественной критикой русского национального образа, создававшегося российской экспозицией на Парижской выставке 1900 года; роли русско-японской войны и русской революции 1905 го-

* Шевеленко И. Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.

¹ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013.

да в росте националистических настроений интеллектуального сообщества до активной полемики в среде «мирискусников» по поводу ориентации на европейскую традицию и внимания к «народничанию»; мифотворчества Вяч. Иванова и констант символистской архаики, языковых экспериментов футуристов; «русского архаизма» дягилевских сезонов; открытия шедевров древнерусской иконописи и их воздействия на эстетику и технику авангарда. Подчеркнем, что каждый из сюжетов сам по себе чрезвычайно увлекателен и заметно дополняет историю литературы и культуры Серебряного века. Более того, обозначенные автором векторы движения русского интеллектуального сознания в эту эпоху имеют свое очевидное продолжение в постреволюционной ситуации конца 1910-х — начала 1920-х годов. Так, проект всенародного театрального «соборного действия», намеченный Вяч. Ивановым в статье «О веселом ремесле и умном веселии» (1907), получит отчасти реализацию в Невеле, где в мае 1919 года, по сообщению местной газеты «Молот», «ведутся подготовительные работы по постановке под открытым небом греческой трагедии Софокла „Эдип в колонне“ (так!). К участию привлечены учащиеся трудовых школ города и уезда, числом свыше 500. Постановкой руководят знатоки Эллады и Греции гр. Бахтин и Пумпянский».²

Не вызывают сомнений и место русской архаики в модернистском сознании, и интерес русского модернизма к национальной сюжетике. Но является ли этот поворот в действительности результатом предполагаемого автором отказа от имперскости в пользу «нацистрое-

ния»? Достаточно ли для того, чтобы утверждать универсальность феномена, отсылки к конкретным мнениям участников событий, даже если они находятся в «референтном поле» (с. 17), а их носители аттестуются как «представители экспертного сообщества» (с. 262)? Использование схем имперских и постимперских штудий ведет к упрощению реальной исторической картины. Не опровергает ли послыл автора о превращении Российской империи в государство нового (неимперского) типа с акцентированным «русским началом» вполне оформившееся понимание «русскости» и «русского народа» в имперском сознании С. С. Уварова с его триадой «православие, самодержавие, народность» или в «Пословицах русского народа» (1862) и «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863–1866) В. И. Даля? Факты политической истории России, в которой будущий император Николай I говорит юному камер-пажу: «Благовари Бога за то, что ты русский»,³ плохо согласуются с теоретическими положениями о том, что империя Российская ничем не отличается от Британской. При этом автор отчего-то проходит мимо статьи В. С. Соловьева «Национализм» в Брокгаузе, хотя она более чем наглядно отражает реальное отношение к проблеме большей части мыслящего сообщества этой эпохи.

Однако теоретическая сомнительность конструкции не отменяет научной ценности представленного в книге историко-литературного и историко-культурного материала, а сама постановка проблемы, несомненно, заслуживает ее дальнейшей разработки.

³ См.: [Дараган П. М.]. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819. СПб., 1875. С. 25.

² Цит. по: Невельский сборник. СПб., 1996. Вып. 1. С. 150.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-207-211

© М. Э. Баскина (Маликова)

КНИГА Б. С. КАГАНОВИЧА ОБ А. А. СМРНОВЕ*

Написанная Б. С. Кагановичем биография Александра Александровича Смирнова (1883–1962), крупнейшего специалиста по истории западноевропейских литератур, кельтолога, медиевиста, шекспироведа, редактора переводов, — небольшая (15 п. л.) книжка, вышедшая тиражом всего 200 экземпляров, — результат более чем тридцатилетнего самоотверженного труда историка, скрупулезно обследовавшего московские и петербургские архивы в поисках материалов, имеющих отношение к Смирнову. Автор, уже имеющий опыт на-

писания монографических биографий ученых (С. Ф. Ольденбурга, Е. В. Тарле), поставил себе задачу «восстановить с надлежащей полнотой историю жизни и деятельности А. А. Смирнова, привлекая возможно более широкий круг печатных, так и особенно архивных материалов. Такое исследование, наряду с внимательным прочтением трудов Смирнова в соответствующем контексте позволит <...> глубже понять и оценить А. А. Смирнова не только как ученого и литератора, но и как человеческую индивидуальность и определенный культурный тип, воплощенный в нем с большой яркостью» (с. 9). Эта задача предполагает строго фактографическую реконструкцию прежде всего научной стороны биографии Смирнова

* Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2018. 240 с.